

Я – анархист по натуре

Вагрича БАХЧАНЯНА нельзя назвать известным художником, но среди тех, кто его знает, он имеет статус культовой фигуры. Он эмигрировал в 1974 году. И вот теперь – снова в России, с выставками – в Государственном центре современного искусства и в клубе “МуХА”.

В ЦСИ был показан проект “Ни дня без строчки” – своеобразный “годовой отчет” в картинах, в клубе же – еще более необычная “ретроспектива” в виде репродукций из презентуемой там же книги художника “Мух уйма”. Это Бахчаняну, харьковчанину, принадлежит столь сросшаяся с носителем псевдоним его земляка Савенко – Лимонов. Это он автор фразы, ставшей народной: “Мы рождены, чтоб Кафку сделать быльё”. И еще десятков подобных крылатых выражений. Художник и

литератор органической, природной одаренности, человек, необычайно чувствующий язык, он никогда не стремился реализоваться в плане карьеры, сохраняя дистанцию от разного рода институций. Но именно его неординарное мышление об искусстве, о произведении с необходимостью ставит его в ряд предтеч соц-арта и концептуализма. Он продолжатель традиций дадаизма, осмеивавшего все и вся, хотя именно у него стоило бы поучиться такту, мере и остроумию новейшим ниспровергателям в искусстве. Остается только сожалеть о вынужденной краткости интервью и радоваться действительно редкой возможности пообщаться с мэтром.

– На какие средства вы существовали после отъезда в Штаты? Ведь вы художник, всегда чуравшийся станковых форм искусства.

– В основном работал по заказам русских издательств и журналов в Америке. С наступлением “гласности” все эти издательства скончались сами собой. Грбачев, можно сказать, своими руками похоронил самиздат, сделал то, чего не удавалось никому из советских генсеков.

– Критики утверждают, что ваши работы близки к творчеству Даниила Хармса. Приемы, сам стиль мышления...

– Я родился в год смерти Хармса. Кроме того, мне посчастливилось од-

ному из первых познакомиться с его прозой. В 1967 – 1968 годах на моих глазах произошла реабилитация “взрослых” вещей Хармса – их впервые напечатали в “Литературной газете”. Тогда был жив Шкловский, он написал специально для этого статьи, кажется, “Цветные сны”, с ее помощью и пробили публикацию.

– Кто из современников, авторов поколения шестидесятников, вы видите близким себе?

– Об этом пусть рассуждают историки искусства. Единственный гениальный художник из тех, кого я знал, – Володя Яковлев. Это наш русский Ван Гог. Мы познакомились в 1963 году и общались до моего отъезда.

– До сих пор в России мало знают о том, что вы делали в Америке все эти годы...

– В 1978 году я организовал в Нью-Йорке акцию “30 выставок в один день”. Была акция в Нью-Йоркском музее современного искусства: “Человек-агитпункт”. Я был весь в черном. При этом обклеен текстами на красном фоне, клишированными и абсурдистскими. На русском языке, разумеется. Например, “Пива нет”, “Они устали” или “Уборщица отошла в туалет”. Все это происходило в русском зале, со мной были два фотографа – фиксировать акцию. Меня быстро вытащили из зала при помощи огромного служителя-негра. Тогда все боялись скандала, и тамошние “галерейщики” такого не замечают. Но я ведь анархист по натуре и подобные действия предпринимал не раз.

– Поподробнее: что значит “анархист по натуре”? Считаете ли вы анархию действенным спо-

собом практики для современного художника?

– Анархия во многом вынужденна. Что касается меня, то дело в том, что я не люблю любые инстанции. Если возникла идея, и она никому не вредит, почему бы ее просто не реализовать?

– Как тогда, по-вашему, определить границы свободы?

– Буду, наверное, белой вороной среди представителей своего поколения в этом отношении. Я считаю, что свободы много не бывает, что она идет на пользу. А что местами бесится – так это пройдет – переберется.

– Вам близка эстетика абсурда. Понятно, что в Советском Союзе материала для этого было предостаточно. А как в США?

– В Америке, прямо скажем, питательной среды практически не было. Причем нет и сейчас. И я питался в основном воспоминаниями...

– Когда для вас были более благодатные времена: сейчас или тогда, в 60-е?

– Для меня, по-моему, никогда не будет хорошего времени, так как бюрократизм процветает всегда и везде. Вот пример – русский эмигрант художник Генрих Худяков сделал из собственной квартиры музей, чтобы избежать всего этого.

– Каковы ваши впечатления от нынешнего посещения Москвы?

– Ступа 29 лет город производит поистине ошеломляющее впечатление, особенно центр. Жизнь здесь бьет ключом, в том числе и художественная.

Беседу вел
Сергей ПОПОВ

Работа В.Бахчаняна

Кухляктура. - 2003. - № 10 стр. 55-58